

Кривое зеркало поэзии

*Истинный поэт всеведущ; он действительно вселенная
в малом преломлении.*

Новалис, Фрагменты

Сегодня не принято вспоминать, что поэт – не только великий комбинатор, но ещё и деятель. Что язык – это часть мира, и что, следовательно, поэзия – это часть мира. Что поэзия – это не навык и не красиво организованные, приятные аппликации слов. Что поэзия требует тщательной внутренней работы – переработки мира.

Поэзия – кривое, изломанное зеркало. Когда доходит не только до отображения природы, но до подражания человеческой мысли – до подражания себе, до игры в себя, – мысль, подчинённая, рабски измученная, бунтует. Когда философия подходит к обычному человеку – видит своё отражение в его душе и прихорашивается. Когда к поэту – искажается и смеётся над собой. Но за плоскостью, за поверхностью поэзии скрывается собственное, мнимое пространство души поэтической. Покорёженной и искалеченной, ненормальной – и ненормированной.

Я утверждаю, что поэт индивидуален, что поэт не может быть проводником всеобщей философии – только своей собственной. Но многообразие локальных миров с их местными философиями необходимо для выживания человечества в целом и мира вообще.

1. Болезнь

*Только индивидуум интересен, отсюда все классическое
не индивидуально.*

Поэт видит мир по-другому. Сначала от отсутствия привычки, потом волевым принуждением: отвлекает разум от мышления схемами и заставляет глаза видеть иначе.

Если все усилия тщетны и мир не открывается, разум обращается к той части, что всего доступнее: к рассудку и его привычному инструменту – языку. Часто в эксперименты с языком выплескивается и рассудочное содержание, придавая стихам насыщенность. Там же, где нет никакой новизны, т.е. где не была приоткрыта кулиса привычки и привычной, конвенциональной красоты, рождается, может, и красивое, но скучное произведение. Оно может явить глубину чувства, но выразит его способами, ранее знакомыми.

Даже с данностью, даже со способностью выезжать из колеи мышления и усилием воли направляться в сторону, даже с умением увидеть и заметить в этой стороне что-то, а не улетать в кювет наобум, поэту необходимо найти, а точнее изо-

брести, подходящие средства выражения для замеченного. Ведь чтобы пройти по нетоптаной тропе, нужно сначала её вытоптать и позволить ей зарости. Для нового кусочка мира необходим новый язык, который, конечно, примут не сразу – если поэт окажется достаточно настойчивым и протопчет-таки тропу.

Поэзия как форма доступна для обывателя. Образованный, умеющий писать и считать человек способен написать стихотворение по правилам и не ограничиться при этом орнаментальностью и украшательством. Хуже: современный обыватель научен думать – по стандартам мысли, мысли образцовой и качественной, совсем по госту. Стихотворения получаются тоже: по госту.

Человек, ощущающий себя поэтом, стремится избежать правильного и – стерильного... Если некогда прекрасное становится обыденностью – как никому не нужен Бог, который всегда на связи, – оно быстро наскучивает неугомонному человеческому разуму. Куда сбежать от мирского?

Отсюда следует, что поэт всегда болен. Чтобы отклониться от установленного восприятия и заметить нужно либо титаническое усилие духа – что уже ненормально, – либо душевное нездоровье.

2. Бормотание

Сфера поэта есть мир, собранный в фокус современности. <...>

Свобода связываний и сочетаний снимает с поэта ограниченность.

При всём сходстве биологии и физики тел вместе с их мозгами мы обнаруживаем невнятное различие сознаний. Радикальную неспособность стать хоть на мгновение другим, которую не устраняет даже герменевтическое бормотание.

Такое различие обеспечивает многообразие душ и в первую очередь душ поэтических. Среди прочих эти всегда выделяются болезненной способностью к зрению. Но главное: такое различие гарантирует многообразие поэзий.

Поэзии сливаются, бушуют и буйствуют. В турбулентности этого потока – обещание моря: слабая река с вялым течением – нежилец. Она пересохнет, как только будет возможность. Бурный поток – поток сильный и выносливый. Вместе с тем и бессмысленный. Но разве найдётся кто-нибудь, чтобы спрашивать у реки, зачем она размывает землю? Вопросание к тексту, рефлексия над ним сегодня – попытка увидеть своё отражение в стремнине. Запрещать безумцу бессмысленно. – Если хочет, пусть переломает себе все кости. В этом, по крайней мере, будет больше пользы.

Да и можно ли требовать идеального и единообразного в эпоху релятивизма и антиреализма?

Старая эпоха умерла. Рождается новая, а с ней вместе – поэзия (и театр – это можно заметить по агонии актёров на сцене). Только через разнообразие, через эта ожившую свободу, порождающую Эмпедокловых чудовищ с руками вместо голов и головами вместо ног, – из этого разнообразия впоследствии выделятся самые жизнеспособные, самые ладные – формы; самые подходящие – новой, обильной и густой жизни.

3. Давление

Поэзия растворяет чужое бытие в своем собственном.

Реальность предельно отвратительна. Не ужасна, как когда-то, когда величие преступления захватывало дух, а мерзка и тошнотворна. Реальность стала слишком паршивой, чтобы передавать её в стихах – даже в прозе не всегда получается. Но в это же время реальность стихов – требует. Она невероятно нежизнеспособна вне текста, хорошо структурированного и продуманного до мелочей. Текста, в котором нет ничего лишнего настолько, что из него исчезает человек.

Всё стало поэзией, но человек из неё изгнан. Изгнанный, человек ослеплён величием того, к чему не причастен – не причастен более, чем когда-либо за всю историю своего божественного происхождения – этот божественный приёмш.

Поэзия становится полноправной частью действительности и выдавливает из неё человека. Но для этой действительности не находится слов – и поэзия становится предметом; не находится никого, кто бы воспользовался ей – и поэзия становится инструментом выражения самой себя. Во всём этом нет места живой человеческой мысли. (Впрочем, в ней уже давно нет потребности.) Всё живое – экстраординарно и по сути неотлично от самопроговаривания освободившейся и освобождённой поэзии. Случайный оригинал теряется среди самоотражающих подобий (примерно как эта мысль среди мыслей Делёза). Но самое главное: различие не требуется.

Это первая эпоха, пережившая падение и распад предыдущей, не лишившись при этом культуры – да здравствует технический прогресс! Благодаря ему достижения прошлого прошли через кризис, истощение и упадок в полном объеме и без искажений. Но эпоха рухнула. Человек в кризисе как Человек. Он готов к регрессии и охотно занялся бы ей, но сохранившаяся культура тянет его обратно. Человек вдруг обнаруживает, что вся культура ему дана наперёд, что он теперь лишён развития, неспособен к новому. Человек стагнирует и портится. Оскорблённый и несчастный, он проклинает – он высмеивает и искажает, как воспитанный варвар, -- то, что удерживает его на прежнем уровне цивилизации. Со временем обиды проходят.

Культура наконец дотягивает до своего уровня всё то, что было некогда Человеком, и помещает на место исчезнувшего. Начинается новая эпоха, неизвестная, дикая, потерянная.

В век, когда не найдёшь и Человека, нечего разыскивать Поэзию – так оправдывается скудное время. – Но как из одного Человека является множество равноправных, так и из Поэзии является множество поэзий. Эпоха предшествующая была не скудной, а на сносях, – обширной и необъятной для одного взгляда.

4. Ощущение

Не должны ли основные законы воображения быть противоположными (не обратными) законами логики?

Поэт постигает природу лучше, нежели разум ученого.

Для начала полезно сравнить, как работает с языком математика и как – поэзия. Кажется, что и та, и другая стремятся к описанию, к вложению в язык предчувствия, неясного видения. И математик, и поэт влекомы интуицией. Но первый находится в рабстве у своего языка и расстаётся с образом в угоду логике, а второй скорее расстанется с логикой и правилом, чем с видением.

Но это немного поэтично. Оба, конечно, над своими образами работают, улучшают их и совершенствуют, обтачивают. Чем же они руководствуются? Математик следит за соответствием образа языку. Поэт следит за соответствием языка – образу. Соответственно различается и порядок работы. Математик сначала устанавливает образ, а потом пытается до него дойти – и снова меняет образ, если пути не находятся. Поэт сначала фиксирует язык и сверяется с видением – или ощущением: то ли получилось? не исказилось ли чего? – и варьирует формулу.

Где-то между метафорическим и лубочным, приближённым описанием затаилось различие между математиком и поэтом, как между максимумом и минимумом. Но точно можно сказать: пути поэта и математика к своему образу различаются как подъём в гору и блуждание по лабиринту.

Философия подчиняет ощущение языку, поэзия наоборот: язык – ощущению. Философия стремится описать, пусть даже поэтическим языком, выразить, присвоить данный раз и навсегда мир. Но не может, потому что начинает с языка. – Им же и заканчивает. Невозможно приблизиться к данности, начиная с обобщённого её описания: в конце всё скатывается к тавтологиям из ни на чём не основанных понятий. Когда предпринимают попытки обратного хода, в виду имеют всё равно язык (ведомы языком – обманываются в чистоте своих помыслов),

а потому опять упираются в невозможность соединения двух замкнутых половин – с другой стороны.

Философия так зависима от языка, что к нему периодически схлопывается (и не может помыслить саму себя иначе чем в языке).

Поэзия мир создаёт. Если не свой собственный, то этот, сегодняшний, то ли уже разрушенный, то ли ещё не достроенный. Создаёт потому, что начинает не с языка, а со взгляда, со слуха, с биения сердца, с ощущения самой себя до такой степени – что переливается через край первозданной пустоты и заполняет её собой. – Создаёт прецедент. Это отличает поэзию от комбинаторики слов и смыслов.

Таким образом, поэзия (для своего осуществления) начинает не с языка, выходит за его пределы. Она начинает с ощущения и создаёт для него подходящую форму. Поэзия не следует за языком, а ведёт его за собой.

Если же поэзия обращается к самому языку, то, конечно, как к артефакту: не придавая ему значения большего, чем столу или обработанному камню. Здесь язык рассматривается как вещь, доступная чувству.

Но что с математикой? Очень грубо её можно считать философией, лишённой данности, – то есть той замкнутой половиной мира, в которой заключён язык со всеми своими фантазмами. На примере математики глубже заметно различие между философией и поэзией. Уже в направленности они противоположны: что для одной – посылка, для другой – заключение.

Хотя математика, как и поэзия, способна к завершению, переносить это сходство на философию не стоит: философия вдобавок терпит разрыв, который поэзия устраняет.

И это второе различие – разрыв между языком и миром – обусловлено первым различием. Имеет значение, поднимается ли сознание от ощущения к мышлению или наоборот нисходит. Изотропии – нет.

Из этих двух характерных различий между философией и поэзией возникает радикальная их несовместимость.

Метафизика и логика преодолеваются поэзией.

5.

Чем больше поэзии, тем ближе к действительности.

Примечание:

Конева Полина. Закончила ММФ НГУ. Студентка Литературного института.